

А.М. Марченко

«Есть в осени первоначальной...»

В беловом автографе рукой Эрнестины Федоровны Тютчевой проставлена дата: 22 августа 1857. А на черновом, карандашном, младшая дочь поэта Мария сделала для памяти такую замету: «Написано в коляске на третий день нашего путешествия». Путешествие в данном случае — возвращение из Овстуга в Москву. До появления в его жизни Е. Денисьевой Тютчев проводил в Овстуге весь свой отпуск, но после 1850 приезжал в деревню к жене и детям максимум на две недели. Так было и в 1857: приехал 6 августа, а 19 августа уже тронулся в обратный путь.

Эрнестина Федоровна очень дорожила этим стихотворением мужа, оно перекликалось с его давним письмом к ней. Предупреждая в феврале 1853 жену о возможном приезде в Овстуг И. Тургенева, Тютчев сравнивал «очарование» Эрнестины с неяркой прелестью российской природы:

«Такой человек, каким я его [Тургенева], как мне кажется, знаю, не может не испытать к тебе живейшей симпатии. Способность чувствовать прекрасное, благодаря которой ему открыта вся интимная поэзия природы даже там, где эта поэзия не выступает явно, как в наших краях, с их грустной и неяркой красотой, эта же способность поможет ему понять и оценить тебя... Я о нем достаточно высокого мнения и потому убежден, что он в полной мере испытает твое очарование».

Валерий Брюсов утверждал, что своеобразие тютчевской поэзии обеспечивается *цельностью замысла* стихотворения и *певучестью* каждой отдельно взятой строфы. Ко всем без исключения произведениям Тютчева этот тезис, конечно же, не приложим. И в политических памфлетах, и в сочинениях «на случай», и в многочисленных его посланиях к светским знакомым и сослуживцам нет ни певкости, ни цельности замысла. Зато в оценке шедевров тютчевской лирики Брюсов вполне точен. Возьмем хотя бы первую строфу стихотворения «Есть в осени первоначальной...»:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

В этой строфе все конечные ударения приходятся на самый певучий, широкий и открытый гласный русского алфавита: *a*. На *a* падают ударения и в самых важных и в смысловом и в художественном отношении эпитетах, и в двух следующих строфах: «праздной», «отдыхающее». Вот что говорил Лев Толстой о прилагательном «праздный» в словосочетании «праздная борозда»:

«Здесь это слово “праздная” как будто бессмысленно и не в стихах так сказать нельзя, а между тем этим словом сразу сказано, что работы кончены, все убрали, и получается полное впечатление. В уменьше находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев на это был великий мастер».

Гулкость раскатистого *a* усиливается еще и тем, что оно как бы соединяется со всеми и сильно и слабо ударными *y* (лучезарны, хрустальный, пусто, паутины, пустеет, воздух, бурь, лазурь) и превращается в *ay*! А так как это *ay* разносится в пустоте (даже воздух опустел!), оно и заполняет собой все пространство стиха!

Больше того, хотя стихотворение написано ямбом, легкое, ассонансного типа звукоподобие слабоударных первых слогов в первой и третьей строках *есть* — *весь* вносит в звучание стиха неожиданный звуковой оттенок.

Усиливают певучесть строфы и перекрестно, то есть легкокасательно, рифмующиеся слоги: *ес-се* (есть — осени); *ро-ра* (короткая — пора), *ар-ра* (лучезарны — вечера).